

С Е В Е Р. Лит.-худ. журнал (СПб.)
1898. N 30. 26 июля

ЛИТЕРАТУРА В ЖУРНАЛИСТИКЕ
(Заметки читателя)

Стб. 951.

<...> в "Вестнике Европы" помещена новая повесть редко за последнее время появлявшегося в печати талантливого беллетриста А.А.Лугового ("Взятки"), в "Русской мысли" - начало серьезно и широко задуманного романа его - "Возврат" <...>

Стб. 953-955 /ксерокс/

<...>

Присяжный читатель

<Коринфский А.А.>

По этому отрывку до некоторой степени можно и теперь уж судить о том, что содержание романа будет не особенно изъ жизнерадостныхъ. Деревня, на которую возлагаютъ столь свѣтлыя надежды всѣ стремящіеся „вернуться“ къ природѣ, оказывается далеко не во всѣхъ отношеніяхъ похожей на земной рай. Достаточно вспомнить объ иллюстраціяхъ къ этому „раю“, данныхъ нашей литературѣ Ант. П. Чеховымъ въ его прошлогоднихъ „Мужикахъ“, въ буквальномъ смыслѣ слова всколыхнувшихъ стоячее болото читательскихъ массъ — при своемъ появленіи въ салонахъ русской журналистики, ежемѣсячно переходящихъ отъ одной новооткрытой истинѣ къ другой — новѣйше-открытой, зачастую диаметрально противоположной. Сколько было наговорено въ журналахъ и газетахъ всякой правды и неправды по поводу чеховскихъ „Мужиковъ“, во всей своей жизненной наготѣ протолкнувшихся въ блестящее общество символизированныхъ декадентскихъ типовъ и типиковъ. Я помню восторженное изумленіе передъ развернувшимся во всю ширь талантомъ художника; но памятенъ мнѣ и тѣ обвиненія, которыя посыпались на художественно-безпристрастнаго автора этого замѣчательнаго произведенія. И это не только въ журналистикѣ, но и въ обществѣ. Марксисты — эти заклятые и далеко небезпристрастные враги народниковъ — готовы были провозгласить Антонова Чехова своимъ. Наиболѣе узкіе во взглядахъ и наиболѣе увлекающіеся кружковщиными началами народники не могли слышать его имени: они называли его измѣнникомъ и клеветникомъ. И ни тѣ, ни другіе не были правы въ своихъ скоропалительныхъ выводахъ изъ „Мужиковъ“. Въ этой повѣсти талантливѣйшій изъ современныхъ русскихъ беллетристовъ „молодой школы“ оставался только самимъ-собою, т. е. художникомъ чистѣйшей воды — безо всякихъ народническихъ, или марксистскихъ примѣсей, — какимъ и надлежало ему быть. Самимъ-же собою остается онъ и въ маленькомъ, только-что появившемся въ „Русской Мысли“, рассказѣ „Человѣкъ въ футлярѣ“.

Это — всего десять съ чѣмъ-то страницъ. Но, прочитавъ ихъ, вы долго будете находиться подъ впечатлѣніемъ рассказаннаго и сказаннаго ихъ авторомъ. Здѣсь, какъ и вездѣ у Чехова, нѣтъ никакой тенденціи. Художественная-же идея рассказа говоритъ сама за себя. Содержание „Человѣка въ футлярѣ“ жизненно и ярко, но въ то-же время отличается простотою и несложностью. Рассказъ ведется отъ лица одного изъ заночевавшихъ въ деревенскомъ сараѣ двоихъ охотниковъ. Рассказчикъ — учитель гимназіи; слушатель — ветеринарный врачъ. „Человѣкъ“, давшій своей типичной разовидностью заглавіе всему рассказу, — покойный товарищъ перваго по гимназіи. Онъ — одинъ изъ тѣхъ безнадежно одинокихъ по натурѣ людей, которые „какъ ракъ отшельникъ или улитка, стараются уйти въ свою скорлупу“. Пожалуй, можно даже согласиться и со словами выведеннаго А. П. Чеховымъ, рассказчика, что такихъ, какъ Бѣликовъ (фамилія „человѣка въ футлярѣ“) „на этомъ свѣтѣ не мало“. Въѣшній образъ жизни Бѣликова являлся яркимъ отраженіемъ его внутренняго міра. „Онъ былъ замѣчательно тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши, и, когда вынималъ перочинный

Его Королевское Высочество
Фердинандъ, наслѣдн. принцъ румынскій.

ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ, и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ-какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его, защитилъ-бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ препода-

валъ, были для него въ сущности тѣ-же калоши и зонтики, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни...

Въ этой характеристикѣ сказано — все: человѣкъ, прозябающій въ Бѣликовѣ, ясенъ не только отъ головы до пятъ, но и до сокровеннѣйшихъ движеній сердца и до неуловимѣйшихъ влеченій души. Это — такой плодъ духовнаго одиночества, какихъ, дѣйствительно, не мало. Это — человѣкъ правила, идолопоклонникъ не самаго правила, но каждой его буквы. Всякое новшество, малѣйшее отступленіе отъ заѣзженнаго шаблона испугаетъ его заячью натуру, и только въ лучшемъ случаѣ онъ обмолвится фразою въ родѣ: „Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ-бы чего не вышло!“. Изъ среды такихъ „человѣковъ въ футлярѣ“ легче всего могутъ выходить фискалы, претворяющіе доносъ въ „искусство ради искусства“. Такіе, какъ закурившіеся въ свой футляръ Бѣликовъ, люди способны возбуждать въ здоровыхъ духомъ и не питающихъ склонности къ футлярному способу жизни окружающихъ не робость и не подозрительность, а именно глубокое, органическое, отвращеніе, — съ какимъ встрѣчалъ его хохолъ Коваленко (преподаватель географіи), давшій Бѣликову названіе „глитай абыжъ павукъ“. Это-же самое, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ проявившееся, чувство дало поводъ рассказчику оговориться послѣ воспоминанія о похоронахъ „человѣка въ футлярѣ“ слѣдующей тирадой: „Признаюсь, хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовъ, это — большое удовольствіе!... и т. д. (стр. 130). Рассказъ произвелъ на слушателя неотразимое впечатлѣніе, которое онъ тотчасъ-же перенесъ на свою жизнь, на свои думы о жизни: „А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ невужныя бумаги, играемъ въ винтъ — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ — развѣ это не футляръ?..“ — говоритъ онъ и, не успокоившись ни этой сентенціею, ни напоминаніемъ пріятеля, что „пора спать“, — продолжаетъ, волнуясь все тѣснѣй и тѣснѣе обступавшими его думами: „Видѣть и слышать, какъ лгутъ и тебя-же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносишь обиды, униженія, не смѣешь открыто заявить, что ты — на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна, — нѣтъ, больше жить такъ невозможно!“. Въ этой фразѣ слышится вамъ уже не голосъ резонерствующаго при удобномъ случаѣ провинціала, а прямо — крикъ обливающа-

гося живую кровью живого человеческого сердца!.. Ну, уж это вы из другой оперы, Ивань Иванович! — отзывается его собеседник: — Давайте спать! Но Ивань Иванович не заснул. Он все ворочался с боку на бок и вздыхал, а потом встал, опять вышел наружу и, сѣвши у дверей, закурил трубочку.

Автор ставит на этомъ мѣстѣ ярко запечатлѣвающуюся въ памяти рассказа свою заключительную точку. И впечатлѣніе отъ этого нисколько не умалается: оно остается яркимъ и цѣльнымъ — даже, быть может, *больше*, чѣмъ было бы тогда, если бы за этой заключительной фразой послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ страницъ на тему о томъ: что думалось Ивану Ивановичу за трубочкой.

Въ этомъ маленькомъ рассказѣ крупнаго художника хороши даже самые недомолвки... „Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья...“ — проскальзываютъ у него въ этомъ мѣстѣ двѣ строки. И — передъ вами развертывается цѣлый мѣръ свободного человеческого существованія безо всякихъ „футляровъ“ и „искусственныхъ оболочекъ“, — хотя авторъ не добавляетъ къ этимъ вводнымъ словамъ ничего еще, кромѣ:

— „Не правда-ли?“

И вы чувствуете, что *правдою*, своей художественной и жизненной правдою, и дороги вамъ болѣе всего эти строки.

„Была уже полночь. Направо было видно всё село; длинная улица тянулась далеко, верстъ на пять. Все было погружено въ тихій, глубокой сонъ; ни движенія, ни звука; даже не вѣрится, что въ природѣ можетъ быть такъ тихо. Когда въ лунную ночь видишь широкую сельскую улицу съ ея избами, стогами, уснувшими ивами, то на душѣ становится тихо; въ этомъ своемъ покоѣ, укрывшись въ ночныхъ тѣняхъ отъ трудовъ, заботъ и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и, кажется, что и звѣзды смотрятъ на нее ласково и съ умиленіемъ, и что ала уже нѣтъ на землѣ, и все благополучно...“ (стр. 130—131).

Сколько въ этомъ описаніи природы — жизни; сколько — красоты, сколько — умиротворяющей тишины! Это не „описание“, а сама живая природа, облетенная въ слова и образы... Поищите такихъ „описавій“ у другихъ нашихъ современныхъ беллетристовъ... Не найдете: ими славится теперь только одинъ Антонъ Чеховъ.

Въ июльской книжкѣ „Недѣли“ закончился печатаніемъ романъ А. Н. Будищева „Пробужденная совѣсть“, — о которомъ мнѣ приходилось ужъ упомянуть въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ обзорѣхъ. Талантливый молодой беллетристъ, впервые выступающій съ такимъ крупнымъ произведеніемъ, по складу своего дарованія вообще и по манерѣ письма — несомнѣнно одинъ изъ послѣдователей Антона Чехова. Такимъ онъ былъ въ томнѣхъ своихъ рассказахъ, объединенныхъ типичнымъ заглавіемъ „Степные волки“; такимъ оставался и во всѣхъ своихъ повиднѣйшихъ произведеніяхъ, обличавшихъ, однако, въ авторѣ стремленіе къ полной самостоятельности. Въ своемъ романѣ, не воплотивъ въ выдержанномъ въ деталяхъ (какъ *романы*), но несомнѣнно написанномъ оригинально, онъ, кажется, совершенно освободился уже отъ всякой посторонней „школы“, явился самимъ-собою, „какъ онъ есть“ отъ природы. Всѣ наиболѣе самобытныя стороны этого свѣжаго, бьющаго ключомъ молодости, таланта выступаютъ здѣсь ярче и рельефнѣе, чѣмъ когда бы то ни было до сихъ поръ. Психологія его героевъ, хотя и поставленная въ совершенно исключительныя условія, проведена съ замѣчательнымъ мастерствомъ и говоритъ, что передъ нами въ авторѣ „Пробужденной совѣсти“ стоитъ одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей, народившихся въ литературѣ — послѣ Чехова. Изъ всѣхъ другихъ, положи руку на сердце, можно поставить рядомъ съ нимъ только одного М. Горькаго. Можно много найти въ романѣ А. Н. Будищева лишняго, случайнаго, не точнаго и даже иногда словно не вѣжущагося съ общимъ тономъ; можно называть его рядомъ механически связанныхъ рассказовъ и очерковъ. Но нельзя не видѣть и того, что эти „очерки“ и „рассказы“ написаны въ высшей степени талантливо, сильно и смѣло. Заключительныя главы романа производятъ прямо-таки потрясающее впечатлѣніе. Передъ вами, на яркомъ художественномъ полотнѣ, оживленномъ талантомъ автора, разыгрывается такая драма жизни, что сердце кровью обливаешь, когда читаешь эти страницы. И въ то-же самое время невольно чувствуется, что здѣсь не придумано ни одного слова, что все это — стонетъ стонемъ живой жизни, что каждая черта живетъ и дышитъ. Ради одной заключительной главы можно было бы забыть всѣ недочеты предыдущихъ девятнадцати, если бы этихъ недочетовъ было бы уже такъ много.

Въ этой-же книжкѣ „Недѣли“ начать большой рассказъ г-жи О. П. Руновой — „По-благородному“. Имя автора для постоянныхъ читателей журнала г.г. П. А. и В. П. Гайдебуровыхъ не является новымъ. Имъ были, между прочимъ, подписаны повѣсти „Голова Медузы“ (въ 1889 г.) и „Утренники“ (въ 1896 г.), отличавшіяся немалыми литературными достоинствами. Манера письма г-жи Руновой не носитъ въ себѣ ничего специфически-„дамскаго“, набившаго всѣмъ критикамъ и читателямъ оскомину у другихъ беллетристокъ. По окончаніи печатанія рассказа, я еще вернусь къ нему, чтобы остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Неприятное впечатлѣніе остается у читателя послѣ очерка извѣстнаго публициста Я. В. Абрамова — „По разнымъ вѣдомствамъ“.

Судя по этому очерку, автору его никогда не быть критикомъ, — хотя онъ и беретъ на себя эту ответственную роль не въ первый разъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, почтенный писатель страдаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ критическаго анализа и художественнаго чутья. Сколько разъ онъ пи выступалъ на критическомъ полѣ, — всегда изъ-подъ пера его выходило нѣчто тягеловѣсное, притянутое за волосы и довольно далекое отъ истины — какъ результата безпристрастія. Такъ и теперь, разбирая собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго (Спб., 1896—97 г.г., 6 т.т.), онъ съ первыхъ-же страницъ очерка сходитъ съ безпристрастной почвы и начиняетъ — въ какомъ-то невоспитанномъ полемическомъ азартѣ — поражать „указательнымъ перстомъ“ своего, конечно несравненно болѣе сильнаго, противника (?), даже не стараясь разобраться въ томъ, что изрекаетъ самъ. По его мнѣнію, вся дѣятельность русскаго социолога и критика сводится чуть-ли не къ нулю. Онъ (Михайловскій) — и не социологъ, и не критикъ, и не публицистъ, хотя и бросался изъ стороны въ сторону — „по разнымъ вѣдомствамъ“. Попытки (!) быть тѣмъ, другимъ и третьимъ г. Абрамовъ находитъ у него „плодомъ самаго печальнаго недоразумѣнія“. Изъ шести томовъ собранія сочиненій Н. К. Михайловскаго, по его мнѣнію, слѣдовало бы выбрать матеріала всего на какой-нибудь одинъ томъ („равный половинѣ тома того формата и объема, въ какомъ изданы его сочиненія теперь“), и тогда „этотъ сборникъ былъ бы полезенъ для извѣстнаго круга читателей“. Не много-ли беретъ на себя г-ль Абрамовъ, съ высоты птичьяго полета смотрящій не только на Н. К. Михайловскаго, но и на всю русскую литературу, — изрекая такія безапелляціонныя приговоры?! Кажется, что даже *слишкомъ* много...

„Черти морскіе меня полюбили,
Рыщутъ за мною они по слѣдамъ:

Въ Финскомъ поморѣ недавно ловили,
Въ Архипелагѣ я, — они уже тамъ!

„Ясно, что черти хотятъ мой смерти,

Какъ и по чину прилично чертямъ.

Богъ съ вами, черти! Однако повѣрьте,

Вамъ я себя на съѣденіе не дамъ.

„Лучше вы сами послушайте слова, —

Доброе слово для васъ я припасъ:

Божьей скотинкою съѣдаться снова,

Милые черти, зависите отъ васъ.

„Помните-ль вы, какъ у этого моря,

Тамъ, гдѣ стоялъ Амазонъ и Павось,

Первое въ жизни нежданное горе

Нѣкогда вамъ испытать довелось?

„Помните-ль розы надъ пѣною бѣлой,

Пурпурный отблескъ въ лазурныхъ волнахъ?

Помните-ль образъ прекраснаго тѣла,

Ваше смятеніе и трепетъ, и страхъ?

„Та красота своей первю силой,

Черти, не долго была вамъ страшна;

Дику злобу на мигъ укротила,

Но покорить не умѣла она.

„Въ ту красоту, о, коварные черти,

Путь себѣ тайный вы скоро нашли,

Адское сѣмя растлѣнья и смерти

Въ образъ прекрасный вы сѣять могли.

„Знайте-же: вѣчная женственность нынѣ

Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ,

Въ свѣтѣ немеркнущемъ новой богини

Небо слилось съ пучиною водъ.

„Все, чѣмъ красна Афродита мірская,

Радость домовъ и лѣсовъ, и морей —

Все совмѣститъ красота неземная

Чище, сильнѣе и живѣе, и полнѣе.